

III РОЗДІЛ ФІЛОСОФІЯ, СОЦІОЛОГІЯ, ПЕДАГОГІКА, ПСИХОЛОГІЯ

В.И.ВОЛОВИК

ФЕНОМЕН НАУЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Наука предстает в качестве составной части культуры человечества и каждого конкретного общества, ее структурного элемента и, как таковая, характеризуется всеми общими признаками, присущими целому. В то же время, отличаясь особенностями, она оказывает влияние на развитие культуры, одним из проявлений которого служит формирование феномена научной культуры.

Понятие «научная культура» является видовым по отношению к родовому, каковым выступает «культура». Но, если родовое понятие, как говорится, пользуется всеобщим вниманием авторов монографических работ, научных и философских статей, а также и многочисленных справочных изданий¹, то наше видовое понятие оказалось, можно сказать, в положении бедной Золушки. Его, к сожалению, ни в одном из справочных философских, социологических изданий так и не удалось обнаружить. Думается, что одной из основных причин этого обстоятельства служит неоднозначность толкования родового понятия.

Как свидетельствует анализ, который проведен американскими исследователями А.Кребер и К.Клакхон, уже к началу второй половины минувшего столетия насчитывалось от 150 до 250 определений понятия «культура», который был ими сгруппирован следующим образом:

- *Описательные определения*, восходящие к концепции основоположника культурной антропологии Э. Тейлора, в которых культура толковалась как сумма всех видов деятельности, обычаев, верований;

- *Исторические определения*, в которых подчеркивалась роль социального наследия, к которым примыкали *генетические определения*, утверждавшие, что культура есть результат исторического развития;

- *Нормативные определения*, делавшие акцент на значении правил и норм;

- *Ценностные определения*, подчеркивающие, что культура – это материальные и социальные ценности группы людей, их институты, обычаи, реакции поведения;

- *Психологические определения*, в которых культура понималась как результаты особого приспособления людей к природному окружению и экономическим потребностям;

- *Определения на базе теорий обучения*, толкующие культуру как поведение, которому научился человек;

- *Структурные определения*, выделяющие значимость моментов организации и моделирования;

- *Идеологические определения*, рассматривающие культуру как поток идей, переходящих от индивида к индивиду посредством особых действий, т.е. с помощью слов и предложений;

- *Символические определения*, толкующие культуру как организацию различных феноменов (материальных предметов, действий, идей и чувств), состоящую в употреблении символов или зависящую от этого².

Период, прошедший после публикации указанных авторов (1952), отнюдь не свидетельствовал о снижении интереса к феномену культуры и стремлении дать адекватное определение обозначающего его понятия. Однако, как и прежде, усилия исследователей чаще всего концентрировались на внимании к отдельным сторонам феномена, формам его проявления и функциям, оставляя, если не в тени, то, по крайней мере, не на первом плане сущность, субстанциональную основу. При этом указанная особенность исследования феномена отличала не только зарубежных культурологов, но нередко и наших соотечественников советского периода, а ныне – соседей по СНГ.

Что же касается наиболее распространенного, бытового употребления понятия «культура», то оно чаще всего обозначало отрасль деятельности музеев, библиотек, систему информации, отчасти искусства (СМИ, театры, кино), туристических организаций и др.³. Исходя из такого понимания культуры, в докладах на партийных съездах, государственных и партийных документах разговор о культуре велся, как правило, после анализа состояния в политической, экономической сферах,

хозяйственной жизни, науке. Таким образом, наука и культура понимались как самостоятельные отрасли жизнедеятельности общества, без указания их взаимосвязи.

Между тем связь их существует и к тому же существенная, устойчивая, повторяющаяся. Это объясняется тем, что и культура, и наука связаны единой субстанциональной основой, в качестве каковой выступает деятельность как особая форма движения социальной материи. Суммарным результатом деятельности как раз и является культура, а одним из слагаемых её, обусловленных полифункциональной деятельностью особых групп людей, направленной на познание, адекватное отражение в сознании законов и закономерностей объектов природной и социальной реальности, их взаимосвязи друг с другом, сохранение и переработку информации о них с целью предметно-практического и мысленного освоения мира, детерминированной постоянно развивающимися материальными и духовными потребностями людей, стала наука. Бытие ее получает свое проявление, с одной стороны, в становлении и развитии научного процесса, а, с другой стороны, в конкретном результате его, каковым и является научная культура.

«Научная культура», как нам представляется, может быть определена в качестве категории социальной философии, философии научного сознания и науковедения, служащей для обозначения исторически сложившейся формы научных отношений, обусловливаемой соответствующей системой научных знаний, мотивов, принципов, способов и методов научной деятельности специально подготовленных социальных субъектов, создаваемых ими научных организаций и институтов, материальных и духовных результатов, ценностей и оценок, с необходимостью присущих социальному организму на определенном этапе его развития.

Естественно, предлагаемая дефиниция не рассматривается нами как обладающая исключительной полнотой и завершенностью. В то же время она, как нам представляется, все же позволяет достаточно полно раскрыть содержание понятия, обозначающего рассматриваемый феномен, каковым является научная культура.

Оно, во-первых, указывает на сущность анализируемого феномена, определяющую его существование и развитие внутреннюю закономерность – исторически сложившиеся научные отношения социальных субъектов к природе, обществу и друг к другу.

Оно, во-вторых, обращает внимание на то обстоятельство, что научные общественные отношения формирующие сущность научной культуры, обуславливаются соответствующей системой научных знаний, мотивов, принципов, форм, способов и методов научной деятельности социальных субъектов, то есть складываются при условии их осознания, а, следовательно, относятся к числу идеологических общественных отношений.

Предлагаемое определение, в-третьих, рассматривая научную культуру как сложившуюся форму научных отношений, то есть один из элементов системы общественных отношений, в то же время указывает на ее системный характер, обозначая в качестве основных структурообразующих элементов следующие:

- научные знания и мотивы, принципы, формы, способы и методы, ценности и оценки, т.е. сформировавшийся духовный результат предшествующей научной деятельности, сохраняемый и передаваемый последующим поколениям социальных субъектов посредством письменных источников и учебных заведений;

- материализовавшийся результат предшествующей научной деятельности – созданные на ее основе средства производства, научные организации и институты, управленческие структуры различных уровней;

- складывающиеся в социальном организме на том или ином этапе его исторического развития потребности, обуславливающие необходимость научного поиска путей их удовлетворения, которые находят свое выражение в научных проблемах.

В-четвертых, рассматривая научную культуру в качестве формы, с необходимостью присущей социальному организму на определенном этапе его развития, предлагаемые определения обращает внимание на многообразие ее проявлений. Это находит свое выражение в существовании научной культуры не только конкретного общества, но и научной культуры того или иного класса, более мелкой социальной культуры, человечества в целом, а также и научной культуры отдельной личности – ее научного достояния, которое выражается в наличии соответствующих научных знаний, умения ими пользоваться, видения перспективы научного развития как лично своего, так и социального организма, в котором протекает ее жизнедеятельность.

В-пятых, подчеркивая, что научная культура выступает в качестве исторически сложившейся формы научных отношений, определение не только акцентирует внимание на том, что данный феномен не есть нечто статичное, раз и навсегда данное, что ему свойственны изменения, что он

пребывает в развитии, но и то, что это последнее детерминируется теми же факторами, что и социокультурное развитие общественного организма.

Данное обстоятельство уже давно пребывает в поле зрения исследователей науки не только наших отечественных, но и западных. Так, например, еще в конце 70-х годов преподаватель Эдинбургского университета С.Шейпин, рассматривая науку как форму культуры, писал о том, что новой и доминирующей традицией в ее историческом анализе является стремление соотносить научное развитие с развитием социальным. Утверждение, будто научное знание автономно и трансцендентально, признавал этот автор, уже даже не критикуется, а просто игнорируется. Отошли в прошлое дебаты между «интернационалистами» и «экстерналистами», замечал он, и ныне усилия историков науки направлены не на выяснение правомерности подхода к знанию с социальными мерками, а на раскрытие конкретного механизма генерации научной культуры именно как социального продукта. Словом, назрела необходимость создания социальной эпистемологии науки⁴.

Говоря о становлении и развитии научной культуры, можно с достаточной степенью достоверности утверждать, что к истокам его следует отнести не только отношение между такими, вечно сопровождающими человека противоположностями, как потребность в знании об объектах окружающей его природной и социальной реальности и возможностью ее удовлетворения, между знанием и незнанием, объективно присущими социальному субъекту, но и такие, возникающие в процессе общественного развития и носящие субъективный характер, как борьба таких противоположностей, как сакрализация и секуляризация, продолжавшаяся много веков, а также сциентизм и антисциентизм.

Ранее нам доводилось анализировать борьбу, с одной стороны, сакрализации⁵, то есть наделения материальных предметов, персон, действий, речевых формул, норм поведения магическими свойствами, возведение их в ранг священных, святых, вовлечение в сферу религиозного санкционирования общественного, группового и индивидуального сознания, деятельности и поведения людей, социальных отношений и институтов, а с другой стороны, секуляризации – высвобождения от религиозного влияния различных сфер жизнедеятельности общества и личности, процесса лишения религиозных институтов социальных функций, сокращения культовой практики, вытеснения религиозных представлений, замены их различными светскими взглядами, утверждение в общественном и индивидуальном сознании атеистических взглядов⁶ в качестве источника развития религиозной культуры на различных этапах человеческой истории⁷. Тогда, исходя из специфики объекта исследования, был сделан вывод о том, что взаимосвязь сакрализации и секуляризации предстает в качестве закономерности развития религиозной культуры. Однако, поскольку эта взаимосвязь обуславливает развитие общественного сознания, в значительной мере детерминируя как духовные, так и материальные компоненты результатов человеческой деятельности, она, очевидно, может рассматриваться в качестве закономерности, обуславливающей развитие всей системы культуры, каждого из ее составляющих, в том числе и такого ее структурного элемента, как научная культура, то сдерживая, тормозя ее развитие. Этим

, как известно, заметно отличалась Средневековье с жесткой диктатурой церкви, то способствуя ее поступательным изменениям, что было характерно для эпохи Возрождения, Нового времени.

Указанная закономерность продолжает действовать и сейчас, в том числе и в сегодняшнем украинском обществе, пребывающем на стадии своей трансформации, отмеченной, как известно, заметным усилением влияния церкви, а следовательно, и тенденцией к усилению сакрализации и вытекающими отсюда последствиями для развития научной культуры.

Следует сказать также о действии ещё одной закономерности, обуславливающей развитие научной культуры, которую формируют пребывающие во взаимосвязи такие диалектические противоположности, как сциентизм и антисциентизм. Возникнув в результате научно-технической революции как некритическая уверенность в способности науки решить абсолютно все социальные проблемы, как идеология «чистой» ценностно нейтральной «большой науки», сциентизм в начале ориентировался на результаты и методы естественных и технических наук, получая свое теоретическое выражение в технократических концепциях Дж. Гелбрайта, Д.Белла и неопозитивистских построениях. Сторонники сциентистской точки зрения считают, что все виды деятельности и типы знания приемлемы и совершенны, поскольку они копируют науку как высшую ступень развития человеческого разума, которую следует оберегать от вненаучных влияний и распространять на все виды деятельности и общения людей. Антисциентизм же, будучи пессимистически настроенным в отношении способностей науки обеспечить социальный прогресс, требует ограничить социальную экспансию науки, уравнивая ее с религией, мифом, искусством, а в

своих крайних формах – совсем отказаться от науки и связанной с ней техники, возвратившись к традиционным ценностям и способам деятельности⁸.

Одним из негативных следствий антиномии «сциентизм - антисциентизм», все более проявляющейся на современном этапе общественного развития, как отмечают исследователи, выступает противостояние «традиционной науки» и так называемой «паранауки» (или псевдонауки). «Истинная наука, – с тревогой говорит по этому поводу один из соавторов учебного пособия для аспирантов, выпущенного в Санкт-Петербурге, Е.Э.Чеботарева, – ориентирована на самоограничения, далека от развлечений, критична, склонна к сомнениям, ее исследования не обещают революционных переворотов и не дают мгновенных рекомендаций для претворения в жизнь. Подобная наука обладает структурой, не вписывающейся в дискурс общества потребления, не инкорпорируемой в структуру средств массовой коммуникации. Поэтому не естественным образом на ее месте появляется некая паранаука, или псевдонаука. Она понятна потребителю – не обременяет необходимостью иметь хотя бы начальную базу знаний, уверенно обещает конкретные, достижимые результаты, в ряде дисциплин обращается напрямую к проблемам читателя, рассматривая их как автономные от общих закономерностей, подменяя социальные экономические и политические факторы индивидуальным»⁹. Что же касается последствий становления и развития паранауки для научной культуры, то наиболее опасным из них является угроза засорения ее результатами псевдонаучной деятельности, формирования псевдонаучной культуры. При этом бурное развитие средств массовой информации, практически бесконтрольных интернета, телевидения, газет и журналов, издатели которых падки до всякого рода «чудес», делает эту угрозу все более явной, а устранение ее как никогда необходимой, по сути дела глобальной задачей, решение которой, к сожалению, на данном этапе представляется весьма проблематичным.

Говоря о характере этой задачи, хотелось бы подчеркнуть, что речь не идет о том, чтобы отыскать пути и средства, с помощью которых можно было бы вообще исключить возможность появления феноменов паранауки. Да это, нужно признать, просто невозможно. Они появлялись и будут появляться в дальнейшем, отражая существование бесчисленного количества проблем, которые неизменно встают на жизненном пути каждого человека, социальной группы, конкретного общества и человечества в целом, формируя потребности, возникновение и развитие которых всегда опережало и, со всей определенностью можно сказать, будет опережать возможности их удовлетворения, составляя, таким образом, главный, основной источник развития социальной реальности. В то же время всегда существует возможность попытаться выяснить причину возникновения той или иной потребности, формирующей соответствующую проблему, выявить пути ее решения либо, по крайней мере, причины невозможности этого на данном историческом этапе или никогда, донести эти знания до людей, вооружая их против всякого рода шарлатанов и ставя, таким образом, барьер на пути проникновения проповедуемых ими псевдонаучных знаний в научную культуру.

Реализация этой возможности, превращение ее в действительность – прямой долг ученых, педагогов, других субъектов научной деятельности, который, к сожалению, на нынешнем этапе развития нашего украинского общества выполняется крайне слабо. Можно сказать, что сегодня армия их, правда, заметно поредевшая за годы независимости Украины, пребывает в обороне, крайне слабо используя оружие созданное предшествующими поколениями, каковым является богатая научная культура с ее социальными функциями.

Нельзя, наконец, не сказать о действии еще одной закономерности, обуславливающей развитие научной культуры. Речь идет о взаимосвязи созидательной гуманной и разрушительной антигуманной сторон, сопровождающей научно-познавательную деятельность человека. Проследившая ее становление на различных этапах развития производительных сил, Ю.А. Жданов отмечал: «Видимо, первоначально, человек осваивал всякую силу природы как созидательную, производящую. Огонь исходно служил для обогрева жилища, приготовления пищи и лишь позднее – для истребления городов, уничтожения Александрийской библиотеки.

В Древнем Китае порох был изобретен для забавы и фейерверка и лишь позже использовался в военных целях, в том числе для завоевания Китая европейцами.

Сила пара двинула первые пароходы через океан, но она же направляла дредноуты.

Открытия в химии позволили защитить от вредителей леса с помощью синтетических инсектицидов, но созданные химикатами дефолианты были использованы во Вьетнаме американскими оккупантами для обезлесения страны, гибели сотен тысяч гектар джунглей.

Электричество дало людям свет в лампочке накаливания, а потом накалило электрический стул.

Развитие производства привело к созданию многочисленных технологий двойного назначения. Крылатый металл алюминий не только поднимал в небеса хищных бомбардировщиков, но и служил материалом для домашних кастрюль.

Даже сама наука не избежала этой трагической диалектики. В послании к великому физику Нильсу Бору академик И.П. Павлов писал: «Особенно сейчас наука является противоречивой, работая одновременно для счастья человечества и для его гибели. Будет ли этот вопиющий контраст когда-нибудь разрешен? Уничтожит ли когда-нибудь наука этот позор для человеческой мысли?»

Историческим явлением принципиального значения явилось оборачивание приоритетов: сначала процесс возник как разрушительный и лишь потом обнаружил производительный характер. Так произошло и с овладением атомной внутриядерной энергией. Ее рождение ознаменовалось гибелью Хиросимы и Нагасаки и лишь позже появились первые атомные электростанции.

Особого внимания требует проблема превращения в разрушительную силу главной производительной силы общества – человека»¹⁰.

Разрешение этой проблемы требует всестороннего и глубокого анализа не только истории развития научной деятельности, становления научной культуры, но и структурообразующих ее элементов, их взаимосвязей друг с другом и элементами внешних по отношению к научной культуре составляющих сложившейся системы результатов человеческой деятельности, а также присущих научной культуре социальных функций.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Статьи, посвященные раскрытию содержания данного понятия, есть, например, в таких изданиях как: Философский Энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983 – С.292-295; Социологический словарь. – М.: Норма, 2008 – С.208-209; УСЕ: Універсальний словник-енциклопедія. – Київ, «Ірина», 1999 – С.734 и др.
2. См.: Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture. A. critical of concepts and definitions. Camb. (Mass), 1952.
3. См.: Аванесова Г.А. Культура // Социологический словарь – М.: Изд-во Норма, 2008 – С.208-209.
4. См.: Shapin S. Antropological perspectives on an historical problem // Natural order: Historical studies of scientific culture. – Beverly Hills; London, 1979 – P.41.
5. См.: Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983 – С.589.
6. Там же, С.599.
7. См.: Воловик В.И. Философия религиозного сознания. Монография – Запорожье: Просвіта, 2009 – С.130-133.
8. См.: Касавин И.Т. Сциентизм и антициентизм // Современная западная философия: Словарь – М.: Политиздат, 1991 – С.292-293.
9. История и философия науки: Учебное пособие для аспирантов. Под ред. А.С. Мамзина. – СПб: Питер, 2008 – С.168.
10. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004 – с.432-433.
11. Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Художественная литература, 1983 – С.61.
12. См.: Полохало Володимир, голова Комітету Верховної Ради з питань науки і освіти // Голос України № 88 (5088), середа, 18 травня 2011р. – С.4.
13. Там же.
14. Там же.
15. Письма В.И.Штейнгеля на имя Николая I. Письмо первое // Мемуары декабристов. Северное общество. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981 – С.244.
16. См.: Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 годы – М.:ОЛМА-ПРЕСС, 1998 – С.275-363.
17. Назарчук К. Жюль Верн. Пророк прогресса. // Публика. Журнал-газета. №6 (635). 5 февраля – 11 февраля 2013 – С.23.
18. См.: Воловик В.І., Лепський М.А., Бутченко Т.І., Краснокутський О.В., Соціальна філософія. – Запоріжжя: Просвіта, 2011 – С.57-60.
19. См., например, Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения / Ж.Делез, Ф.Гваттари; [пер. с франц. и послесл. Д.Кралечкина; науч. ред. В.Кузнецов]. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007 – 672с.; Тоффлер Э. Революционное богатство / Элвин Тоффлер, Хейли Тоффлер: - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ПРОФИЗДАТ, 2008 – 569с.

20.См.: Словарь иностранных слов. Под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова (главный редактор) и Л.С. Шаумяна – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1964 – С.343.

21.См.: Воловик В.И. Философия политического сознания. Монография. – Запорожье: Просвіта, 2006 – С.148.

22.Там же, С.148-152.

SUMMARY

A science is analyzed as a significant part of human culture. In this dimension its general features that belong to culture as a whole are established. At the same time a science has special peculiarities which influence on development of culture. In the article the formation of scientific culture is considered as a particular appearance of this process.

Therefore the concept of “scientific culture” is conceived as a specific one in relation to the generic concept of “culture”. It was typical of many researchers in the study that they took a notice on the generic concept and ignored the specific concept. As a result the concept of “scientific culture” turned in the position of “poor Cinderella”. It has not been revealed in any referential philosophical and sociological issues yet. Answering on question why this disappearance was possible the author of the article states that the main reason is ambiguity in the interpretations of the generic concept. The article refers analyses by A. L. Kroeber and C. Kluckhohn according to it there were since 150 till 250 concept definitions of “culture” by the beginning of second part of last century.

Concerning the domestic national scientific literature the author shows that culture and science were understood there as autonomic branches of social activity without noticing on an interrelation between them.

In a controversial way in the article it is put out to ground this interrelation as essential, stable and regular. It is explained that culture and science have the unified substantial basis which is a human activity as a special form of movement of social matter. A culture is an integral result of human activity. A science is its component that is caused multifunctional activity by special groups of people. To provide practical and ideal mastering of the world appropriately to material and mental needs of human being these groups aim: 1) to investigate, to adequately reflect in the mind of laws and regularities of objects in natural and social reality, their interrelation each other and 2) to keep and to recycle information about these objects. On the one hand the being of a science appears in the becoming and developing of a scientific process and on the other hand it appears in concrete results, i.e. in a scientific culture.

Assuming this statements a scientific culture is defined as a concept of social philosophy, philosophy of scientific consciousness and science of science that denotes a form of scientific relations which is shaped in a historical way and caused with an appropriative system which includes such elements as: 1) scientific knowledge, motives, principles; 2) means and methods of scientific activity by special educated social subjects, their organizations and institutions; 3) material and ideal results, values and assessments which are inherent to a concrete social organism on the stage of its development.

Naturally the author does not lay claim on the absolute completeness of this definition. However he is convinced it allows quite precisely to set out the content of the concept that denotes the phenomenon of scientific culture.

Firstly, it discovers the essence of the phenomenon, his main internal pattern that determines its existence as historically shaped scientific relations of social subjects to nature, society and to each other.

Secondly, it emphasizes on the important circumstance: scientific social relations form the essence of a scientific culture and simultaneously are caused with the appropriate system of scientific knowledge, motives, principles, means and methods of scientific activity by social subjects. It means that scientific social relations will be shaped if they are award. In other words they relate to an ideological field of social relations.

Thirdly, the offered definition highlights a system character of a scientific culture as the shaped complex of scientific relations and an element of social system.

Fourthly, pointing up a historical character of scientific relations the definition puts forward the idea of changeable scientific culture. Indeed this phenomenon is not something that is constant once and for all. Actually it is in a permanent progress that is caused with common factors of social cultural development of social organism.

Investigating the becoming and developing of a scientific culture the author goes into the background patterns of this complicated process. It is established in eternal existential contradictions between the need of knowledge about environmental objects of natural and social reality and the satisfaction possibility of this need, knowledge and ignorance.

Additionally such subjective contrarities as sacralization and desacralisation, scientism and antisientism are scrutinized in the article. These contrarities may have negative consequences. One of them is the confrontation of “traditional science” and “parasience” which is becoming more and more apparent on the modern stage of social development.

In conclusion one more pattern that determines the development of a scientific culture is grounded. It is said about an interrelation between creative human and destructive antihuman sides of scientific research activity. This contradictory unity relates to an important challenge of modernity: to keep a main productive force – a man instead his transformation into destroyed force. To decide this problem the author notes on the necessity to provide a complex and deep analyses aiming to examine not only the history of scientific activity, the becoming of a scientific culture, but also its structural components, their interrelations to each other, to functions of scientific culture and to elements which are external in relation to scientific culture and belonged to a concrete system of human culture as a whole.

М.А. ЛЕПСКИЙ

СТРАТЕГИРОВАНИЕ В ВИЗИИ СОВРЕМЕННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАНИЦЫ

Потребности исследования будущего в прогнозном определении тенденций развития общества в глобализированном мире, проектирование желаемого состояния своего государства и стратегирование деятельности субъектов обуславливают современное научное осмысление границ и трансграничных взаимодействий.

Стратегирование как видение будущего и мобилизация усилий субъектов развития предполагает рассмотрение общества как целостности, принятие решений на высшем уровне управления, взаимодействия с внешней средой и целеориентацию на получение конкурентных преимуществ общественного развития.

Исследование границ и трансграничных отношений стало самостоятельным предметом анализа в геополитике и политической географии, даже был введен термин географическая лимология, наука о границах, в которой преобладал описательный подход, стремящийся к междисциплинарности. Сейчас в качестве классических подходов рассматривают следующие. Во-первых, это **историко-картографический подход**, в котором изучается история возникновения и формирования, устойчивость границы, связи между государственным устройством, политическим режимом и конкретной внешнеполитической ориентацией государства, с одной стороны, и функциями границы – с другой, а также их соотношения с экономической, политической и военной мощью соседних стран, проблему и недостижимость «естественных границ», анализ структуры и картирование этнического состава, культурных особенностей населения, структуры и специализации хозяйства, природных ресурсов, рельефа и природы по обе стороны разграничительной линии между государствами.

Во-вторых, классификационный подход, который выделяет границы по тому или иному признаку. Но даже авторы систематизации «классических подходов В. Колосов и Н. Мироненко отмечают, что «особенно интересны и важны классификации границ по множеству признаков, в которых морфология не отрывается от содержания и функций. Известны частные классификации границ по: морфологии («геометрические», «астрономические», референтные, разделительные и контактные, извилистые, прямые и т.п.); природным особенностям (оро- и гидрографические и т.д.); происхождению, истории и длительности существования; историческим условиям и последовательности возникновения («послевоенные», компенсационные, «навязанные», колониальные, спорные и др.); функциям (соотношение барьерной, фильтрующей, контактной функций, а также функций отражения, регулирования, отделения и сопоставления)» [1, С.305]. Можно отметить, что классификационный подход в процедуре классификации основывается на структурно-функциональном подходе.

В-третьих, **функциональный подход** представлен в работах австралийского географа Дж. Прескотта и английского географа Джона Хаухза. Так Дж. Прескотт в моделировании предлагал решение двух задач, изучение влияния на местоположение, делимитацию и демаркацию границы на местности различных компонентов географического ландшафта; влияние границы на те же или примерно те же элементы ландшафта. Джон Хауз разработал методическую схему изучения приграничного взаимодействия и классификацию трансграничных потоков в соотношении двух